

Чувашское литературоведение обогатилось новым важным и ценным изданием. Вышел в свет первый том собрания текстов чувашской дореволюционной литературы. Эта книга является результатом долгих и кропотливых изысканий и текстологической работы в архивах и рукописных фондах, изучения редких старопечатных изданий. Все это осуществлено составителями тома А. Васильевым и Г. Юмартом, а также редактором этого тома В. Родионовым.

По сравнению с предшествующими изданиями подобного рода, посвященными тому же периоду развития чувашской литературы, рецензируемая книга выгодно отличается прежде всего тем, что образцы чувашской словесности представлены в ней с большей полнотой, много текстов вообще публикуется впервые. Тем самым наше представление о временных координатах чувашской литературы, об авторах — первопроходцах в этой сфере духовной деятельности народа в значительной степени расширяется и углубляется.

Материалы тома охватывают, с одной стороны, литературу средних веков, с другой — литературу нового времени

(конец XVIII — XIX век). Конечно, те произведения, которые включены составителями в болгарский (VIII—XIII века) период, период Золотой Орды и Казанского ханства (XIV—XVI века), период вхождения и развития Чувашии в составе Русского государства в XVI—XVIII веках, имеют свою специфику и не могут безоговорочно рассматриваться как памятники собственно чувашской литературы. Так, к первому периоду отнесены отрывки из сочинений известных арабских путешественников Ахмеда ибн Фадлана (X век) и Абу Хамида аль-Гарнати (XII век), повествующих о быте, культуре и обычаях болгар и, конечно же, являющихся памятниками арабской географической литературы. Но это ценнейшие источники для изучения древнейшего периода чувашской истории, и потому введение этих авторов, а также образцов болгарских надгробных надписей-эпитафий (XIII—XIV века) в контекст развития собственно чувашской литературы дает нам ощущение временной, исторической перспективы. Мы как бы прикасаемся в данном случае к самым истокам зарождения чувашской словесности.

Следует также отметить, что многие события истории, воспоминания о пройденном длительном пути сохраняет и устная традиция в виде разнообразных фольклорных жан-

* «Дореволюционная чувашская литература. Тексты», т. 1. Составители А. В. Васильев, Г. Ф. Юмарт, Чебоксары, Чувашское книжное изд-во, 1984, 464 с. (на чувашском и русском языках).

ров (легендарные и сказочные предания, историческая народная песня, мифы о прародителях). Для периодизации чувашской литературы опора на фольклорную традицию представляется также оправданной и необходимой, ибо, несмотря на то, что предки чувашей знали руническое письмо, а в X—XIV веках использовали арабскую письменность, вплоть до создания первых образцов новочувашской письменности в конце XVIII века, социально-психологические установки, взгляды и настроения народных масс не находили непосредственного отражения в литературной деятельности. «Молчащее большинство» (определение известного французского историка М. Блока) чувашского средневекового общества не имело другого средства для выражения своего самосознания, кроме устного творчества. Но у нашего народа было о чем рассказать потомкам. Об этом свидетельствуют фольклорные материалы, помещенные в настоящем издании. Они показывают исход наших предков с благодатного юга на более суровые северные земли, в район междуречья Волги и Камы, основание цветущих болгарских городов Суvara, Булгара, Хулату, борьбу чувашей-булгар с татаро-монгольским нашествием, позднее — против гнета казанских ханов. На события этих трагических веков чувашской истории бросает свой отблеск также и пламя народных

восстаний под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Можно сказать, что в это время фольклор в чувашской словесности выполнял функции литературы, хотя и не следует забывать об известном противостоянии друг другу фольклора и литературы. Впрочем, и для более развитых литератур, например древнерусской, отмечалось, что «если система жанров фольклора была системой цельной и законченной, была способна в какой-то мере полно удовлетворять потребности народа, в массе своей неграмотного, то система жанров литературы древней Руси была неполной. Она не могла существовать самостоятельно и удовлетворять все потребности общества в словесном искусстве. Система литературных жанров дополнялась фольклором»¹. Это положение в определенной степени остается верным и для развития чувашской литературы нового времени на протяжении XVIII—XIX веков.

Зарождение чувашской новописьменной литературы происходило на фоне живой и сильной фольклорной традиции. Поэтому образцы чувашского стихотворчества в жанре торжественной оды (сочиненные по случаю приезда Екатерины Второй в Казань и по другим поводам — конец XVIII века) хронологически

¹ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, М., 1979, с. 77.

недалеко отстоят от «песен» Хведи и Ягура, представляющих собой вольную авторскую интерпретацию мотивов чувашской народной лирики. Такие явления действительно дополняли друг друга.

В книге также заняли свое достойное место видные деятели в области чувашского образования и исследования чувашского языка Ермей Рожанский, Спиридон Михайлов, Николай Золотницкий. Особенно разнообразной и разносторонней была деятельность первого чувашского писателя, историка и этнографа С. Михайлова. Ему принадлежат и записи бытовых диалогов, очерки (в книгу вошел, например, трогательный очерк «Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани»), лирические стихи, рассказы («Разговор на постоялом дворе», «Злополучный сын» и др.). На примере этих первых опытов видно, как нелегко проходило становление литературного сознания, какими трудными были попытки выразить себя в письменном слове (недаром чуваш С. Михайлов писал большей частью на русском языке и, наоборот, Н. Золотницкий, русский, издает книги на чувашском и много переводит с русского и других языков на чувашский; характерно, что одну из книг он так просто и называет: «Чуваш кнеге», 1867, то есть «Чувашская книга»).

Сложное соотношение литературных и внелитературных явлений в рамках чувашской

словесности было характерно и для XIX века. Литература еще не осознала себя в полной мере собственно литературой, она тесно соприкасается с деловой и бытовой письменностью. Литературные жанры еще только складываются, кристаллизация их не завершилась. И потому в одних случаях авторы тяготеют к этнографизму (М. Дмитриев, М. Петров, Гр. Тимофеев, Н. Охотников), в других — сценка, изображенная перед нами, не пройдя через художественную типизацию и обобщение, не становится еще в полной мере фактом литературным. Ярким примером процесса овладения жанром, то есть самодостаточным и завершенным изображением, является проза Игнатия Иванова, которая впервые так полно представлена читателю. Его рассказы предельно конкретны, вплоть до точных названий деревень или имен героев, о которых идет речь. Здесь наглядно видно, как сказ (устное, непринужденное слово) начинает превращаться в рассказ, в особый литературный жанр. Характеры людей еще недостаточно психологически разработаны, их поступки не всегда мотивированы, и в то же время каждое повествование имеет свою мораль, которая дается «открытым текстом» в конце или выносится в заглавие.

Особое влияние на развитие литературного процесса и жанров чувашской словесности оказало создание новочу-

вашской письменности и начало обучения в школах на чувашском языке. Патриархом чувашской культуры, «отцом нации» можно считать выдающегося просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Действительно, прав поэт, сказавший, что «И. Я. Яковлев был даром судьбы чувашскому народу в темное глухое время. В течение одного человеческого века он создал литературный чувашский язык и дал законченные образцы изложения на нем труднейших видов литературы, то есть сделал то, что для славянских народов сделали Кирилл и Мефодий, для германского — Лютер, для английского — Уайклиф, для французского — Саси»¹. Яковлевская школа объединила людей-подвижников, которые беззаветно отдавали себя служению народу. Публикуемые текстовые материалы из различных выпусков чувашских букварей были в известной мере плодом коллективного творчества этих людей. По жанру они близки к народным былям. Их язык и стиль просты, непритязательны, и потому они легко западали в сердца первых чувашских читателей. А существование подлинной литературы немислимо без процесса ее восприятия, ведь читатель — третье необходимое звено в цепочке: автор — произведение — читатель. Не был чужд художественным интересам и сам Яков-

лев, о чем говорит его статья «О влиянии театра» и стихотворение «Ловите дни весны веселой...».

Род поэтический представлен в новом издании относительно немногими, но оригинальными образцами. В дояковлевском периоде развития чувашской литературы хочется особо отметить две поэтические жемчужины. Это стихотворение «Мы были чувашами...» Максима Федорова и баллада «Жизнь бедняка — жизнь зайца полевого...» Григория Филиппова. По точной передаче народного мирозерцания, мастерскому владению стихом и экспрессивными средствами языка они близки знаменитому «Арзюри» Михаила Федорова. Интересны также более поздние стихотворные опыты Н. Ефимова, М. Арзамасова. И все же наибольшего взлета чувашская лирика XIX века достигла в творчестве братьев Якова и Федора Турханов. Их стихи стали, пожалуй, первыми попытками философской и интимной лирики в чувашской литературе. Сквозь обычную для художественного стиля эпохи обобщенность и фольклорную безличность в стихах этих авторов прорывается живая боль чувства, ощущается биение выстраданной мысли. Они уже понимают значение в композиции стихотворения отдельной детали, поданной крупным планом. Своего рода побудительным импульсом стала для них русская поэтическая клас-

¹ Педер Хузангай, Человечность. — «Литература и жизнь», 18 марта 1962 года.

сика. В кругу их чтения — Жуковский, Пушкин, Кольцов, Лермонтов, Некрасов. Перевод их произведений был одновременно и учебой, и приобщением к высокой поэтической традиции.

К концу XIX века в чувашской литературе появляются и произведения «большой» прозы. Это прежде всего повесть «Богатство» известного деятеля чувашской культуры Ивана Юркина, которая представляет собой своеобразную семейную хронику. Интересно, что здесь, пожалуй, впервые в чувашской литературе используется прием внутреннего монолога. Происходящие события, а также оценки персонажей даны в основном с точки зрения старухи Праски, в ее восприятии. Мы видим, как деньги, алчное желание богатства ломают судьбу человека, приносят ему несчастья. Содержание этого произведения так или иначе отражает имущественное расслоение чувашской деревни в это время, показывает источник существующих противоречий. Трагический конец — гибель хранительницы домашнего очага старухи Праски, ее старшей дочери — по своему закономерен и вызван именно этими причинами.

Сюжет повести Николая Кедрова «Отца-мать почитай, самому благом обернется...» как бы перенесен на чувашскую почву из шекспировского «Короля Лира». Конец ее также трагичен: несчастный Кергури, отец трех дочерей, поги-

бает. При этом автор не только осуждает старших дочерей, по вине которых это произошло, но подводит весь ход событий под морализаторскую сентенцию, которая вынесена в заглавие. Элементы дидактизма тогда определяли литературное сознание. Повесть Осипа Романова «Ануш» также повествует о мытарствах главной героини, но в данном случае все завершается счастливо.

В этих опытах прозы есть общие элементы поэтики, все они рассказывают о добрых людях, испытавших на жизненном пути немало бед и горестей. Им противостоит зло. Очевиден назидательный характер повестей, стиль повествования местами весьма чувствителен, но заметно и стремление авторов показать реально-бытовые условия жизни. Намечаются первые, пока еще очень робкие попытки социального анализа обстоятельств. Чувашская дореволюционная проза еще в значительной степени тяготела к старинному жанру жития с характерной для него резкой полярностью добра и зла. Не имея оттенков, она пользовалась только белой и черной краской. Даже в путевом очерке Д. Архипова «Константинопольские чувашки» (1898) самым главным является трогательное описание встречи с земляками на чужой земле, а не красоты пестрого восточного города. В то же время очерк нашего всемирно известного земляка Ни-

киты Бичурина «Байкал» (1831), написанный по пути следования, возглавляемой им духовной миссии в Китай, представляет собой добротный образец путевой прозы, где пытливым глазом исследователя отмечено много природных особенностей уникального озера, а также подробностей, касающихся бытового уклада жизни. Художественные наклонности знаменитого востоковеда сказываются в его хвалебной оде «Сон» (1795), в которой чувствуется хорошее знание стиховой культуры своего времени и подобающая торжественность стиля.

Разнообразие жанров и стилевых установок чувашской дореволюционной литературы показывает, что развитие литературного процесса в новое время шло довольно быстро и интенсивно. Этому способствовало создание письменности И. Яковлевым, распростране-

ние идей просветительства в среде чувашской интеллигенции, а также освоение мировой и русской классики отчасти путем переводов, отчасти путем переработки в национальном художественном сознании ее сюжетов, образов и мотивов. Самосознание народа начинает выражаться в литературе. Чувашская литература развивалась в тесном соприкосновении с жизнью, причем в большей степени она тяготела к непосредственному народному бытию и в меньшей степени к изображению сдвигов в общественном сознании, которые медленно, но верно назревали к концу XIX столетия. Разные стороны реальности уже находят свое отражение в литературе, и сама она в лице своих наиболее талантливых представителей учится смотреть в лицо жизни.

А. ХУЗАНГАЙ

г. Чебоксары